

Однажды жила-была девочка...нет, не так. Высоко-высоко в горах... В тридевятом царстве, в тридесятом государстве... Нет, все не то.

В общем, 20 апреля 1992 года в жарком степном городе Ставрополе родилась я. Обычный среднестатистический россиянин, каких много. Жилось неплохо, временами тяжелее, временами полегче — как и всем остальным. Бегала с друзьями во дворе, сбивала коленки, хорошо училась в школе. Книг много читала. Поэзии — в особенности. Наверное, здесь все и началось. Кажется, было это классе в десятом. Начала создавать тексты, сначала — поменьше и попроще, потом (пускай главным образом в своих глазах) росла. И сейчас расту. Тянусь к солнцу, так сказать. И если иногда это стремление кажется всего лишь поворотом подсолнуха вслед за нашей звездой, не важно. Я-то чувствую, что становлюсь выше.

Конечно, я не могу сказать, что подолгу сижу над стихами, что посвящаю этому свою жизнь. Но отказаться от поэзии означало бы потерять что-то несравнимо важное, без чего жить сможешь, только нужно ли это? Могу сказать, что это всегда немного обособляло меня от ровесников. Поэтому я очень многим обязана разнообразным ЛИТО, которые посещала. Сначала — студии «Вдохновение» и «Изысканный Жираф» в моем родном городе (там я печалась в краевых альманахах, занимала призы на краевых поэтических конкурсах), позже, когда переехала в Санкт-Петербург поступать в ВУЗ — поэтическая мастерская «Линии Времени» (которая вытаскивает меня на чтения, конкурсы, помогает с публикациями). Там сейчас и обитаю в свое «творческое» время. Я ценю не столько теоретическую базу, которую получаю в этих объединениях, сколько атмосферу, наполняющую комнату, в которой мы собираемся. Она исходит от всех людей, похожих на меня в желании тянуться к солнцу. Пожалуй, мое самое взрослое стихотворение, «Новый дом для Дьявола», написано почти полностью во время одного из практических занятий в «Линиях Времени».

Я не хочу останавливаться на достигнутом, творчество всегда подразумевает постоянную самокритику, работу над собой. Выведи себя на новый уровень, будь то поэзия, литература в общем, музыка — да что угодно, - и за тобой потянутся остальные. А это уже — духовное развитие целой страны (ишь куда замахнулась).

Собственно, здесь бы и черту подвести, только рано. Я чувствую. Такое чувство бывает, когда вот-вот напишешь что-то новое.

НОВЫЙ МАРГАРИТ ИЛИ СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Аурлиано, в Макондо идет дождь.

То, что я заносчив, нелюдим и пуст,
делает меня колючим, словно кактус,
как давно потухший терновый куст.
я смирился с этим, я не боюсь
ничего, я - мертвый, я повисший парус.
Там, где я прохожу через улицы, полные тишины,
полные пыли желаний людей, что здесь
жили когда-то, видели свои сны,
думали о своем - и не желали иных
мыслей - все растворилось в пепле. и я. весь.
Весь растворился в сезонах жары-дождей.

Я не уехал, я думал, за годом год,
думал, что город вечен, что он живей
всех городов, всех простых и великих людей,
я оказался не прав - и поэтому вот:
я теперь кактус, дурак и пепел.
Город, наверное, умер, лет сто назад,
в день, когда страх отпустил свои желтые цепи,
и я все смотрел на солнце, забыв, что слепит,
пока, наконец, не стало темно в глазах,
темно, будто мне заползли муравьи в глазницы -
они до сих пор гнездятся внутри, в голове,
и чтобы теперь по утрам разлепить ресницы
я должен втыкать себе в уши стальные спицы
и ждать, пока муравьи не вылезут, все, наверх.
Иногда мне настолько жутко, что я себе режу руки,
забившись подальше в угол в своей конуре,
меня рисовали, передумав, решили стереть -
и мне осталось, подскользнувшись на старой банановой кожуре,
рассыпаться пылью, не издав ни единого звука,
потому что и звук умирает на этой жаре,
потому что я тоже умер, когда город устал стареть,
и мы стали последним сегментом живого (мертвого?) круга.

—
Муравьев так много. Как деревьев на плантации. Не счесть.
Мне так холодно. А в тени, я думаю, градусов сорок шесть.

НОВЫЙ ДОМ ДЛЯ ДЬЯВОЛА

Я вышел на воздух. Холодно. Мокро. Зябко.
Поезд стоит, и люди бегут к нему.
Под моросью тяжелеет черная шапка
и прирастает к коже - не подниму.
Город напоминает мне серый пепел,
серый, горячий пепел в моей стране,
там я был Черт, был Дьявол, сухие степи
жгли мои легкие, ветер ревел во мне.
Там я был Сатаной, на коне, без правил,
желтой кочевой силой своей степи.
Солнце добило всё, что я - вдруг - оставил,
высушило все капли, что не допил.
И вот, когда там ничего уже не осталось,
я сбрил свою бороду, сшил сумку из кожи коня,

взял себе имя, билет - и уехал. Стало,
стало в степи прохладнее без меня.
Я видел зеленые легкие диких джунглей,
я чувствовал жар итальянской крови в висках,
и вечный в Макондо дождь - от него распухли
привыкшие к сухости "шишечки" в волосах.
Я ездил по свету, я ждал, когда я увижу
то место, что станет новым домом моим.
Я, кажется, выбрал. Город, где серые крыши,
крыши и люди, прозрачные, словно дым.
Я выбрал его. Сновали люди. Уехал поезд.
Чертовски холодно. Но как горячо внутри!
Он выбрал меня. И я сомневаюсь: кто из
нас более дьявол, черт меня побори!

—

Что городу до тебя, что тебе - до города,
я не спешу, я не знаю, с чего начать.
Осяду, буду растить свою черную бороду
Бороду Петербургского палача.
Люди? Да брось! Здесь жалеть - некому и некого,
Здесь нелюдимей, чем в мертвой моей степи!
Неба бы им, хоть чуть-чуть, не такого бледного,
ветра бы, чтобы не изо всех сил лупил.
Я бы их выгнал - от лени, гнилой морали,
И ни воды, ни хлеба не дал бы в путь им.
Я бы им стал...как, говоришь, его звали?
Новым для нового времени их (Рас)Путиным.
Но я не за этим приехал... Топите печи!
Я улыбаюсь полоской монгольских губ.
Город, встречай меня! И, словно бы навстречу,
мне поднимается серый гранитный труп.
Смотрит в меня глазами горящими окон,
Дышит в меня грязным речным молоком -
Ты обречен, милый Город, кирпичный кокон.
Дьявол уже обживает свой новый дом.

МОЕЙ МАЙЕ

Я - последнее Солнце в холодной глуши Вселенной.
Я стараюсь согреться - согреться уже нельзя.
Я сама себе боль. Моя паника постепенно
заменяет мне кровь. По распухшим венам
бьется жажда голодной пешки, не выросшей до ферзя.
Моя грусть - это самая сильная грусть на свете,
грусть от жалости, в эгоизме, к себе самой.
Моя ненависть - это резкий холодный ветер -
от наивности, позволяемой только детям,
нежелания знать - что же шепчут там, за спиной.
Я Нелепость, Я Выбор, Я Боль ошибки,
Я Рождении песни, картины или стиха,
Я - Дырявый Невод, и опять золотая рыбка
ускользает, Я Пот, неприятный, липкий,
из-за страха в глазах самых близких стихать,
стихать и исчезнуть совсем, Я Зачеркнутая строка.
Закрывай глаза и почувствуй, такой искренний, добрый, пылкий,
пустоту - бесконечную пропасть - в своей душе.
Дни просачиваются сквозь дыры у нас затылках,
мы снимаем друг друга дешевой цветной копиркой.
Я рисую тебя желаньем, в карандаше.
Бой, БОЙ, барабаний Бой!
Мне так плохо, послушай, побудь со мной,
Этот шум в ушах, головная БОЛЬ,
Зажимай свои уши руками, пой,
не поешь - так смейся, гиеной вой!
Вой, вой, ВОЙ, ВОЙ, БОЙ, бой, барабаний БОЙ -
ПРЕКРАТИТЕ ШУМ! крики долго еще звенят.
ты давно - я ведь чувствую - неживой
для меня.

О МАМЕ. СЛОЖНО

А сложнее всего оказалось писать о маме.
Я давно хотела, я столько раз начинала,
только внутренний критик был зол, ему было мало,
он кричал мне "бездарность!" и муза вонзала жало
в мои руки и над головой заносила камень.
Ведь из самого сердца нужно писать для мамы.

Это трудно и больно. Вы пробовали из сердца?
из таких из глубин, в которые даже не верится,
уползаешь куда, одинокий и злой, погреться,
и оставить там мысли свои, сильные самые.
Только как, если я - не я, когда слышу маму?
Если я тем несносней, чем больше меня любят?
Чем сильней ко мне ласка - тем крепче сжимаю зубы.
Я пытаюсь меняться, но сильно другой не буду.
Это в нас с братом есть - стоять на своем упрямо.
Мама стерпит, ведь так? Это тоже из сердца, Мама.
И мы пьем - я и брат - твою жизнь, что черные дыры,
поглощаем тебя, Мама, медленно, как вампиры,
но и любим тебя, пожалуй, больше, чем всё в этом мире.
Мы не знаем, наверное, этого даже сами.
И вот я каждый день отзвонюсь, отрезвоню маме.
Пара слов, через силу, устало и очень быстро.
Я настраиваюсь, но вспыхиваю от искры:
от любого твоего слова, от даже мысли,
и вот я становлюсь не я, только злое пламя.
Отравляю ее, весь свой яд оставляю маме.
Отряхну в телефон с себя изморозь, как собака,
этот питерский дождь, эту осень и злобу, слякоть,
только если из-за меня, Мам, ты будешь плакать -
разве что от счастья и над моими стихами.

РОЖДЕНИЯ СТИХА ПОСЛЕ ДОЛГОГО ЗАТИШЬЯ. НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ.

Вырвали. И — не оставили - ничего.
Из груди торчат ржавые сваи. Пусто.
Тихо так. И не горько, И не легко.
Вроде не больно — и я забиваю: пусть так.
И не понятно, что изменилось во мне,
в этом тумане ноябрьском все смешалось,
но — словно Бродский на простыне —
я извиваюсь, цежу несмешную жалось
из глаз к себе. Тихо так. Все перед бурей тишь.
Вот бы скреблось, или жгло, или рубцевало —
но НИЧЕГО — словно молишься, рвешь, кричишь
но ни ползвук. Выдохлось. Отплясало.
Голос мой редуцирован. Мой барабан в пыли.

Словно бы заразилась я аутизмом —
гадким, вселенским, холодным, как наш залив,
серая радужка глаз. серая харизма.
Строчку начну — и сижу. И смотрю в экран.
Голову на ладонь уроню и вою.
Как дальше? Ну не корАбль — хоть катамаран,
мне б запустить в убитое штилем море,
что еще пару суток — и зацветет...
Я поднимаюсь. Иду на балкон — тихо как.
Пол и перила покрыл бледной коркой лед.
Нет ничего. Ни входа в себя, ни выхода
Из пустоты. Так хочется! Не дает.
Но высота вдруг делает тебя зрячею.
Время застыло пространством и словно ждет —
и через мгновенье стихи колкие, горячие
больно на воздух проталкиваются через рот.

НЕ О ТОМ

Если вкладываешь в слова "я люблю тебя"
смысл "убирайся к черту", искажается что-то внутри.
Если думаешь об одном - говоришь другое, если жжется
так, словно ты изнутри горишь - не тушите. Ясней гори.
Потому что сильнее никто никогда не резал,
чем убийственное затишье у одного из двух,
и любой дурак давил из себя стихи, плохие на слух
и на вкус не лучше, а если и не давил - то лезло.
а во мне что копится - не выпускаю. трус!
мне так грустно, что, видите: я смеюсь.

АСОЦИАЛЬНОЕ

Замечали ли вы, что люди
в большинстве своем смотрят сквозь
или вскользь.
Наблюдали ли вы, что будет,
если взгляд свой вбивать в человека,
как гвоздь?
Это сложно - не отвернуться,
задержаться, глазами больше
не отпустить.

Взгляды падают, мысли бьются,
пол в метро весь в осколках, и мы
продолжаем бить.

Посмотри на бездомных, на пьяных, больных
бомжей -

это есть одиночество без романтики
и соплей,

это в кофе ванильном -липкий кусок
дерьма,

а задумайся - через месяц
уже зима.

Одиночество - "пса усыпим,
раз никто не взял" ...

Очень хочется всех обнять (хоть кого-нибудь!), но
нельзя.